

УДК 327.2; 327.5

Дискурсы новой «гибридной» войны: содержание и критика

К. Г. Мальцев¹, А. В. Мальцева¹ ✉, Л. Л. Ломако¹

¹Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова
ул. Костюкова 46, г. Белгород 308012, Российская Федерация

✉ e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Резюме

Актуальность. Представление политического порядка в экономической парадигме политического, господствующей в западной политической философии, необходимо предполагает конструирование образа врага как «исключенного другого»; глобальный и универсальный политический порядок, становящийся действительным в процессе глобализации, объявляет врагом фундаментализм и терроризм как главные препятствия своего становления. Актуальной исследовательской задачей является анализ способа представления такого врага и методов его устранения/снятия.

Цель статьи – изучить «парадигматический случай» представления «врага», против которого ведется «новая», то есть «гибридная», война.

Задачи: истолковать связь «фундаментализма» и «терроризма», представленную как существенная, в экономической парадигме политического; выявить способ конструирования определений «фундаментализма» и «терроризма» в горизонте указанной парадигмы, продемонстрировать, что речь идет о конструировании аспектов одного явления; доказать, что познание в данном случае ограничивается конструированием пересекающихся дискурсов, и не может быть понятийным.

Методология. Научное исследование, предмет которого является налично данным в перспективе парадигмы, не может задаться вопросом о способе данности (М. Хайдеггер); тематизация названного вопроса относится к области философского истолкования.

Результаты. В ходе исследования устанавливается, что под «фундаментализмом» понимается нередуцируемость индивидуальных и коллективных ценностей и «естественных общностей», удерживающих священное и апеллирующих к «санкции священного», – к индивидуальным интересам и их ассоциациям: «фундаментализм» представляется как противоположность «принципиальному западному индивидуализму». В статье определяется, что концепт «новой войны» разработан в перспективе цели: снятия препятствий глобальному политическому порядку; структура концепта представляет ряд дискурсов, пересекающихся в фокусе «фундаменталистского исламского терроризма», который представляется как «парадигматический случай» (М. Хардт, А. Негри) врага глобального политического порядка. Выясняется, что речь идет о «внутреннем» и «непризнанном» враге, который определяется как преступник; анти-террористическая война является полицейской операцией, целью которой не является мир; такая война объявляется справедливой войной и является перманентной, превентивной, тотальной.

Вывод. В статье делается вывод, что горизонтом понимания «фундаменталистского исламского терроризма» как врага, выявляемым философским истолкованием и скрытым для дискурсов, является экзистенциальный «вопрос о существовании» (К. Шмитт).

Ключевые слова: фундаментализм; «исламский терроризм»; «новая война»; глобальный политический порядок; враг; парадигма политического; дискурс.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. Дискурсы новой «гибридной» войны: содержание и критика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 123–134.

Поступила в редакцию 13.06.2021

Принята к публикации 16.07.2021

Опубликована 30.08.2021

© Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л., 2021

Discourses of the New "Hybrid" War: Content and Criticism

Konstantin G. Maltsev¹, Anna V. Maltseva¹ ✉, Leonid L. Lomako¹

¹Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov
46 Kostyukov str., Belgorod 308012, Russian Federation

✉ e-mail: maltsevaannav@mail.ru e-mail: pavic69@mail.ru e-mail: parmend@bk.ru

Abstract

Relevance. Representation of the political order in the economic paradigm of the political, dominant in Western political philosophy, necessarily presupposes the construction of the image of the enemy as an "excluded other". The global and universal political order, which becomes valid in the process of globalization, declares fundamentalism and terrorism as the main obstacles to its formation as an enemy – an urgent research task is to analyze the way of representing such an enemy and methods of eliminating / removing it.

The purpose of the article is to study the "paradigmatic case" of the representation of the «enemy» against which a "new", that is, a "hybrid" war is being waged.

Objectives. To interpret the connection between "fundamentalism" and "terrorism", presented as essential, in the economic paradigm of the political. To identify a way of constructing the definitions of "fundamentalism" and "terrorism" in the horizon of the indicated paradigm, to demonstrate that we are talking about constructing aspects of one phenomenon. To prove that knowledge in this case is limited to the construction of intersecting discourses, and cannot be conceptual.

Methodology. Scientific research, the subject of which is a given in the perspective of a paradigm, cannot ask a question about the way of being given (M. Heidegger); thematization of the named issue belongs to the field of philosophical interpretation.

Results. The study establishes that "fundamentalism" is understood as the irreducibility of individual and collective values and "natural communities" that hold the sacred and appeal to the "sanction of the sacred" – to individual interests and their associations: "fundamentalism" is presented as the opposite of «fundamental Western individualism». The article defines that the concept of "new war" is developed in the perspective of the goal: removing obstacles to the global political order. The structure of the concept represents a number of discourses intersecting in the focus of "fundamentalist Islamic terrorism", which is presented as a "paradigmatic case" (M. Hardt, A. Negri) of the enemy of the global political order. It turns out that we are talking about an "internal" and "unrecognized" enemy, which is defined as a criminal; anti-terrorist war is a police operation that does not aim at peace; such a war is declared a just war and is permanent, preventive, total.

Conclusion. The article concludes that the horizon of understanding "fundamentalist Islamic terrorism" as an enemy, revealed by philosophical interpretation and hidden for discourses, is the existential "question of existence" (K. Schmitt).

Key words: fundamentalism; "Islamic terrorism"; "new war"; global political order; enemy; political paradigm; discourse.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. Discourses of the New "Hybrid" War: Content and Criticism. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 123–134. (In Russ.)

Received 13.06.2021

Accepted 16.07.2021

Published 30.08.2021

Введение

О гибридной войне заговорили в конце 80-х годов XX века; к началу тысячелетия оформилась концепция «новой войны» (например, М. Кревельд [1], М. Калдор [2]); к этому же времени,

началу XXI в., относится утверждение М. Хардта и А. Негри [3], что перманентная война стала способом существования нового глобального имперского порядка. В целом достигнуто согласие относительно того, кем и против кого ведется

«новая война», которая теперь, по сути, прежде всего – «полицейская операция»; значительно хуже обстоит дело с пониманием целей подобной войны или хотя бы результатов, которые должны быть достигнуты в ходе ее ведения; мы ставим задачей *демонстрацию* того, что *отсутствует* ясное представление о ее *конце*, которым *не может быть* мир. Важным представляется обстоятельство, что нет и *не может быть* понятия «новой войны», – ее *концепция* включает в себя несколько *пересекающихся дискурсов*, два из которых мы считаем *важнейшими* и *определяющими*: во-первых, согласными усилиями политиков, СМИ и исследователей *либерального направления*: политологов, социологов, юристов и даже философов, – доводящийся *до наглядности* дискурс антитеррористической войны (т. е. полицейской операции «мирового сообщества» против ставшего глобальным *терроризма*) и, во-вторых, идеологическая война (в случаях, которые полагаются *необходимыми*, также использующая все возможности «полицейской операции», в том числе «на опережение») против того, что называют «фундаментализмом».

Методология

Данные *дискурсы* настолько тесно *переплетаются*, что их можно *различить* только *теоретически*; *удержать* таким образом проведенное различие еще сложнее: невозможно средствами *политической теории*, но только посредством *философского толкования*, т. е. в горизонте *радикальных* понятий (К. Шмитт [4] называл их «метафизическими понятиями»), *соединяющих реальное и действительное по схеме* («схематизм разума» И. Канта здесь может служить своеобразным ориентиром в отношении того, как) одной из двух западноевропейских *парадигм политического*: или в парадигме «понятия политического» (К. Шмитт [5]), или «экономической парадигмы политического» (Дж. Агамбен [6]), в которых *представлено* политическое. Таким

образом *тематизируется предмет* настоящей статьи: истолковать значения дискурса «новой войны» (двух основных его *аспектов*) в двух *противоположных и нередуцируемых* парадигмах *представления политического*; поскольку дискурс антитеррористической войны и дискурс войны против «фундаментализма» *совпадают* (как для широкого *общественного мнения*, так и в целом в *экспертных оценках*) в том, что сегодня часто именуют «исламским фактором», то именно это совпадение выбрано отправной точкой *анализа* и путеводной нитью *изложения* в представленной статье.

Результаты и их обсуждение

К началу тысячелетия сложился устойчивый стереотип: «В наши дни в прессе термин "фундаментализм" зачастую редуцирует различие социальных образований, объединяемых этим именем, и используется исключительно в отношении исламского фундаментализма» [7, с. 144]. Многие исследователи, в том числе процитированные М. Хардт и А. Негри, отмечают, что «фундаментализм является бессодержательной и уводящей от сути дела категорией, которая сваливает в одну кучу широкий спектр различных по существу феноменов» [7, с. 143], однако безусловно господствующей является другая точка зрения: «Исламский фундаментализм сегодня – это угроза не только арабскому миру, но и всему мировому сообществу. На практике объединяя ислам с политикой, идеология исламского фундаментализма доказывает свою действенность. Играя на традиционных ценностях арабского мира, она объединяет в своих рядах наиболее радикально настроенные слои мусульманского общества, поставившие своей целью возврат не только к временам «золотого халифата», но и к мировому господству в рамках всемирного исламского государства» [8, с. 135]. Основание для подобных утверждений Хардт и Негри видят в том, что в исламе видят *прежде*

всего «отрицание современности как оружия евро-атлантической гегемонии» [7, с. 145], из чего авторы делают вывод, что «в этом отношении исламский фундаментализм является, конечно, парадигмальным явлением» [7, с. 145–146].

Можно привести множество примеров, обосновывающих вывод об *очевидности* для западной политической философии, политической теории, экспертного и общественного мнения именно такого *представления* ислама; достаточным будет сослаться на *типичное* в этом отношении рассуждение *либерального* автора Д. Лала [9], который усматривает в «исламском фундаментализме» *основную угрозу* проекту глобализации, который для него имеет статус не только «объективной необходимости», но и «моральное достоинство»: Лал утверждает, что глобальная империя – это мир и процветание *для всех*, и то, что ей «препятствует» или «сопротивляется», должно быть без сомнений «устранено» («любым способом»).

Вопрос в том, почему именно в исламе усматривают главную угрозу имперскому порядку; ответ на него также выставляется как *очевидный*: потому, что в современном мире *фундаментализм* – это *почти исключительное*, причем *существенное*, свойство того, что именуется «исламом»; здесь совершенно не имеет значения вопрос об *истинности* или *ложности* такого *представления*: такой вопрос даже не может быть поставлен – «парадигматическое представление» само является «условием возможности» истинности или ложности, и потому может быть только *истолковано*, т. е. следует поставить вопрос, почему это *так*. Начать следует с выяснения *значения*, которое *приписывается* тому, что называется «фундаментализмом»; речь при этом опять же не идет о «дефинициях», но о *горизонте*, в котором затем выстраиваются (иногда различающиеся, но никогда существенно) дефиниции.

Итак, в западной политической философии, определенной сочетанием двух основных традиций: *стоицистской* (которую, кстати, Ф. Р. Анкерсмит [10] характеризует как «стоицистско-фундаменталистскую») и *кантовской* (наиболее последовательный синтез которых мы находим в политической теории Дж. Ролза [11]), – фундаментализмом называется *нередуцируемость любых ценностей* – к *индивидуальному интересу*: фундаментализм есть «противоположность» *принципиальному* и последовательному *индивидуализму*. Индивидуализму в «либеральной метафизике» приписывается не только значение *методологического принципа*, но и характер *высшей ценности*: Калхун [12], например, со ссылкой на Дюмона [13], Тейлора [14], Эванса [15], утверждает, что «с точки зрения современного Запада, индивиды существуют в себе и сами по себе: ни сети отношений, ни всеобъемлющая иерархия не являются основным источником идентичности. Эта современная идея индивида как локуса неразложимой идентичности» [12, с. 102].

Однако для определения способа представления фундаментализма в западной политической философии *недостаточно*: в конце концов, в мире достаточно «коллективистских идеологий», которым «фундаментализм» не приписывается, достаточным здесь является *присутствие священного*: чтобы оказаться в статусе «фундаменталистского», коллективизм должен быть *освящен религиозным предписанием*: политический фундаментализм, таким образом, всегда представляется обоснованным *религиозной санкцией*; политический порядок, опирающийся на религиозную санкцию, объявляется «фундаменталистским». В свою очередь, западный индивидуализм, выстроенный в колее кантовской философии, представляется как *не нуждающийся* в религиозной санкции (потому что, по Канту, *действительность* бога определяется утверждением, что «бог есть требование разума субъекта», и вне этого

императива абсолютно трансцендентный бог не есть *действительность*), и потому не считается «фундаменталистским». Речь идет о «последних вопросах» *онто-теологии*; различие определяет способ соединения *реального* и *действительно-го*, в том числе и *представление политического*.

Последовательный либерал Д. Лал утверждает, что «в отличие от других цивилизаций в исламе мечеть невозможно отделить от государства» [16, с. 640]; он считает, что ислам специфичен тем, что «если в большинстве других цивилизаций может быть проведено различие между публичным и частным и, соответственно, двойственность представлений, относящихся к каждой из этих сфер жизни, может быть как-то разрешена, то в исламе это невозможно» [9, с. 154]. Более того, утверждает Лал, если «эта двойственность заключена в рамки политической системы, легитимизирующей светскую конституцию, то фундаменталистский императив, требующий законодательно утвердить свои личные верования и представления, неизбежно разряжается на политической арене» [9, с. 154].

Итак, то, что называется «фундаментализмом», является основным препятствием глобализации; в той степени, в какой западное «мировое сообщество» (еще одно отождествление, очевидность и непосредственность которого в западной политической философии все еще нуждается в интерпретации для всех, кто *не есть* «коллективный запад») связало себя с «глобальным проектом», искушение *непосредственно* связать «фундаментализм» и «терроризм» сильно настолько, что в современной западной политической философии это делалось многократно. Мы неоднократно анализировали подобные опыты [18; 17]. Здесь *фигура террориста* социологически интерпретируется либо как следствие разрушения «традиционных обществ» модернизацией: «Все разновидности фундаментализма представляют собой продукт кризиса

идентичности, вызванного модернизацией» [9, с. 153]; либо посредством «рессентимента», т. е. реакции «лузера» на «успех другого» (опять же мы имеем дело с *дискурсом*, ссылающимся на Ф. Ницше [19; 17] и его понимание «христианской морали», и только на этот «извод» понятия *рессентимента* Ницше. Однако необходимо изучить саму *возможность* подобного «непосредственного отождествления».

В либеральной версии экономической парадигмы политического, господствующей в западной политической мысли с начала XX в., политика представлена как *управление* (по высказыванию М. Вебера [20], между управлением государством и управлением предприятием при определенных условиях нет *существенной разницы*: *бюрократия* есть «собственная форма» «земной иерархии», управляющей *порядком действительности по разумному закону*); политический порядок представлен как *гомогенный, универсальный и глобальный* (в либеральной интерпретации Канта такой порядок *один*; признание Кантом *федерации* как формы *разумного порядка* интерпретируется как *снятие суверенитетов*); бесконечная публичная дискуссия как сущность либеральной метафизики (К. Шмитт [3]) предполагает *отказ от истины* в пользу «организации истины» в горизонте «пересекающегося консенсуса» (Дж. Ролз [11]), полагающегося *наличным*. Все это означает *отсутствие границ*, кроме тех, которые полагаются *неразумием/несовершенством* — или «направленностью автономной воли индивида к злу». Другими словами, у такого порядка *нет внешних врагов*, но только *внутренние*, которые, во-первых, не могут рассматриваться как «признанные враги» и, во-вторых, квалифицируются как *преступники* в тех случаях, когда *опознаны как фундаменталисты* (т. е. воля которых как раз и самоопределилась «ко злу»). Таким образом, *террорист* есть *фигура* универсального и глобального политиче-

ского («имперского») порядка, представленного в экономической парадигме политического.

Два дискурса «новой войны»: дискурс «антитеррористической войны» и войны против «фундаментализма», – *совпадают*: «исламский террорист – фундаменталист» есть «не-законный» и «не-признанный» враг – преступник, *представляемый* и часто *объявленный* «абсолютным злом», которое нельзя исправить, но только *ликвидировать*. Нам необходимо выявить *направления* и *способы* этой войны.

Однако перед тем, как приступить к выполнению поставленной задачи, следует напомнить, что в западной политической философии существует (несмотря ни на что) *иной способ* представления политического: «понятие политического» К. Шмитта; иное понимание войны, «всегда пространственного» политического порядка, существующего «только в правовой форме». Есть несколько причин, по которым необходимо *удерживать* различие между «понятием политического» и «экономической парадигмой политического»: во-первых, «понятие политического» есть *реальная* (т. е. *понятийная*) альтернатива экономической парадигмы политического, даже в том случае, если *действительная возможность* для нее «закрыта»; во-вторых, *возможный кризис* глобального имперского порядка, о котором все чаще говорится (что совсем не означает, что есть именно *кризис порядка*, а не борьба за *гегемонию* в этом *глобальном имперском порядке*; например, может происходить «смещение ядра» мир-системы, по Валлерстайну [21]), может задавать *иные* концептуальные рамки объяснения некоторых *событий* как *моментов* начинающегося кризиса; в-третьих, что особенно существенно в теоретическом отношении, следует ясно различать «*парадигмальную альтернативу*» от альтернатив внутри «экономической парадигмы» (например, к ним относится предложение Ф. Р. Анкерсмита [10]

отказаться от «фундаменталистско-стоицистской» традиции в пользу «макиавелистской»). Можно привести еще несколько причин, но сказанного достаточно для *предварительного пояснения*; *релевантное* в отношении предмета нашего исследования будет *продемонстрировано* последующим изложением.

«Понятие политического» фиксирует *нередуцируемость* политического к другим областям действительного (в первую очередь, в противоположность экономической парадигме, к *морали*, т. е. противоположению добра и зла, и к *экономике*, т. е. к *интересам*) и определяется Шмиттом через *суверенное решение*, различающее «друга – врага»; по Шмитту, это – «экзистенциальное решение», т. е. речь идет о *существовании* политического порядка и *угрозе* ему со стороны внешних, «признаваемых врагов» и «внутренних врагов», которых следует «поставить вовне» (например, Шмитт ссылается на «древнюю практику изгнания»). Принципиальным является, во-первых, полагание *границы*, разделяющей «внешнее» и «внутреннее» (принципиально же не различаемых в экономической парадигме политического); во-вторых, *полиархия*, которая *удерживается* взаимным признанием *суверенов* «извне» и *снимается* посредством *олицетворения* «внутри»; в-третьих, возможностью «объявить чрезвычайное положение» (сувереном является тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении), следующей из «места суверена над политическим порядком в его правовой форме» и целью которого является *преодоление* выделенной таким образом «области аномии» и восстановлением *правового порядка*. Все это *невозможно* в экономической парадигме политического: представленный в ней политический порядок не имеет *внешнего*; не признает «другого» как *законного врага и суверена*; не способен к *выделению* «области аномии» таким образом, что *парадигмально* область аномии «захватывает» («распространяется»)

весь политический порядок (Дж. Агамбен [6]). М. Хардт и А. Негри [7], например, утверждают, что чрезвычайное положение есть *норма*, т. е. «способ существования» глобального имперского порядка как *перманентной «внутренней» войны*. Такой политический порядок *анонимен*, не допускает никаких *олицетворений* («верховенство права» есть абсолютное исключение суверенного решения); *реальность* его представлена как «порядок правил», которые (если вспомнить спор К. Шмитта и Г. Кельзена [22]) должен *осуществляться автоматически*, но его *действительность* – *фактична*, т. е. основана исключительно на *силе*. *Утопическая перспектива «блаженной жизни»* (Дж. Агамбен, со ссылкой на аристотелевский «βίος» [23]), или «абсолютной демократии множества» (М. Хардт и А. Негри [24]) *противопоставляется действительности* лагеря (Дж. Агамбен [25]) или «репрессивного порядка глобальной империи» (М. Хардт и А. Негри [7]). Однако этот вопрос онтологической – вне предметных рамок настоящей статьи.

Для нас принципиально важны следующие следствия.

1. «Новая война» есть *полицейская операция* потому, что это *внутренняя война*, без законного врага и суверенов, целью которой не является мир потому, что его просто *не с кем заключать*: война идет до «полной победы» и «ликвидации противника», дисквалифицированного как *преступник*. Для такой войны *не действует* «право войны» и «военное право»; более того, по утверждению М. Калдор [2; 26], которая настаивает на последовательном проведении этого как *принципиального правила*, предполагается «дифференциация населения» в «место проведения полицейской операции», выделение тех, «на кого можно опираться» (маргиналы, «женщины», нефундаменталисты), и тех, кто «рекрутируется» «террористами» и кто их «поддерживает». Разумеется, она обвиняет «террористов» в «систематическом насилии над населением»

(фактов этого достаточно, впрочем, как и противоположных), но принцип «военного права»: гражданские вне войны – *как принцип не признается* именно теми, кто называется «миротворцами» и кто проводит «полицейскую операцию по умиротворению». «Новая война» – новый тип *тотальной и перманентной войны*, более того, *справедливой войны*.

В дискурсе «новой войны», которая некоторое время назад объявлена «анти-террористической войной», *возрождается* концепт *справедливой войны*, которая *есть война против зла*. Ко всему прочему такая война предполагает оправданность «действий на опережение», т. е. «угроза терроризма», «подозрение в возможной угрозе терроризма» и просто «угроза мировому порядку» объявлены достаточными основаниями для опережающего начала «полицейской операции», цель которой – «предотвратить угрозу». Отсюда – вызывающие иногда (все реже) возражения против «ликвидации террористов», которая проводится «вне судебной процедуры», т. е. ни о каких «гражданских правах» (вина должна быть доказана в суде, действует «презумпция невиновности») речи больше не идет. Напомним, что при «неразличении внутреннего и внешнего» формально «ликвидируются» лица, принадлежащие *данному* политическому порядку: своей «злой волей» они сами поставили себя вне правовой формы политического порядка и в отношении них не действуют, таким образом, «правовые презумпции», это – *революционная логика*.

2. «Предотвращение преступления» *предполагает*, что к «террористам» должны быть причислены все те, кто *может* («объективно») их «поддерживать»: уже давно ведутся разговоры об «информационном терроризме», о «финансовом терроризме» и так до бесконечности; главным политическим принципом становится *безопасность*. Когда совсем недавно СМИ объявили, что Президент Франции «поднял меч К. Мартел-

ла» – это не «фигура речи» и не «преувеличение», но *точная констатация*: фундаментализм *существенно* связан с терроризмом, значит, «новая война» *должна вестись* против «фундаментализма»: «ислам должен стать культурным» – не только «лозунг», но *программа* одного из дискурсов новой войны.

3. Конфликты между все еще остающимися (до времени [27]) суверенными государствами все чаще «вписываются в логику» *тотального противостояния* между *разумным мировым порядком* и «преступными очагами сопротивления» ему. Такие конфликты, ранее (в парадигме понятия политического) являвшиеся *законным способом* борьбы между *суверенами*, целью которых было установление нового порядка на основе изменившегося «соотношения сил» и заключение мира, теперь могут быть только *заморожены*, причем таким образом, что *факт заморозки* никогда *не означает* признания «законного интереса сторон», одна из которых необходимо представляется как *виновник*, в конечном счете подлежащий наказанию как *преступник*; «заморозка» есть фактическое признание *временного отсутствия возможностей* наказать *преступника*.

4. «Тотальная деполитизация» в терминах «международного права» (которое теперь не соглашение о правилах между суверенами, но правила, установленные анонимным «мировым сообществом», под маской которого действует *сильный*), произвольные «признания» одних «изменений» и «непризнание» других окончательно *снимают различие* между «порядком войны» и «порядком мира»: война *есть* и политика теперь становится *продолжением войны другими средствами* (их за последние двадцать лет выдумано много, и еще больше появится в ближайшем будущем). Многие исследователи констатируют наступление «мирового хаоса» (например, вполне «либеральный» и не скрывающий своей ангажированности крупный внешнеполитический чи-

новник Р. Хаас); предел этому хаосу в *действительности политического*, представленного в экономической парадигме, может положить только «*модель доминирования*», вопрос только в том, *кто* будет ее «осуществлять».

Выводы

Возвращаясь к теме «исламского фундаменталистского терроризма», нельзя не отметить, что он выбран в качестве едва ли не «главного врага» (кажется, «главных врагов» с начала XXI в. прибавилось) именно в связи с «очевидностью» и «удобством»; если про характер «очевидности» мы много писали в настоящей статье, то про «удобство» следует сказать особо. Речь идет, во-первых, об «удобстве олицетворения»: «прагматичность» других «главных врагов» и то, что *принципиально* они нисколько не «за рамками» экономической парадигмы политического, но борются за доминирование *в ее рамках*, *ограничивают возможность* конструирования *образа врага*. Во-вторых, антитеррористическая война против «исламского фундаменталистского терроризма», как вполне открыто говорили ее инициаторы (см. анализ речей и действий *политиков* у: Арриги [21], Д. Лал [9]), планировалась как *демонстрация силы* с перспективой «окончательной победы», этой уверенности не суждено было осуществиться. Наконец, в-третьих, особенно для Европы, «фундаментализм» опознается до сих пор как *непосредственная внутренняя угроза*, и потому требует принятия «незамедлительных мер».

Завершая изложение, следует подчеркнуть: в случае специально с «исламским фундаменталистским терроризмом» речь идет о *невозможности признания* *инаковости* в «либеральной метафизике»; отсюда – *политика мультикультурализма* как *радикального редукционизма* любых коллективных идентичностей (например, наций [28]), «над-личностных» и «естественных», и имеющих «религи-

озную санкцию», т. е. заключающих в себе «присутствие священного», к *пестроте индивидуальных интересов и ассоциаций* на основе «личных предпочтений» «автономных индивидов», и *война против «фундаментализма»*, в котором, собственно, и *представлена «фигура террориста»*. Следует также иметь в виду, что отличие *дискурса* от *радикального понятия* еще и в том, что дискурс – принципиально *фрагментарен* и не предполагает «договаривания до конца»; напротив, *хозяин дискурса* над ним, он *властвует* по своему усмотрению, из соображений «выгоды» и «самооправдания». Нет нужды «подозревать в лицемерии» тех, кто утверждает, что полицейская операция осуществляется в интересах тех, против кого она направлена (они могут быть как раз представлены как «неразумные», как «распропагандированные», как «запуганные») и «их собственные, правильно понятые интересы» *легитимируют* (как это утверждает М. Калдор [2], но не только она) *полицейскую операцию по уничтожению террористов*, – такие утверждения *могут быть «субъективно» совершенно «искренними»* (и только некоторые «проговорки» иногда «разоблачают» *заинтересованность хозяина дискурса*).

Лицемерие обычно проявляется в другом: в обвинении либеральных авто-

ров, часто выдвигавшемся против «понятия политического» К. Шмитта как «апологии войны» и *моральной интерпретации* его понятия «законного врага». Следует повторить еще раз: *признанный враг* есть *политическое понятие*, ему не может быть вменена «вина» и он не может быть «морально дисквалифицирован», собственно, это и есть суть шмиттовского понимания. Между «законными врагами» – суверенами возможна «ограниченная правом законная война» (или на основе взаимного признания, решение о *невозможности войны*, например, учитывая «реалии ядерного века»), имеющая целью *заключение мира*. «Непризнанный враг», *преступник*, может быть только *уничтожен*. Еще более «катастрофическая» ситуация «внутри» политического порядка: «непризнанная инаковость» *вводит в игру революционную логику*: «несовершеннолетние» должны быть взяты в опеку, «неразумные» лишены политической субъектности, «самоопределившиеся ко злу» есть преступники, но это может быть темой специального исследования.

Философское истолкование в этом отношении – *единственный способ демонстрации значения* в горизонте «метафизического понятия», такой *опыт* необходим для *понимания* того, что *есть «новая война»*.

Список литературы

1. Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
2. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
3. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.
4. Шмитт К. Политическая теология // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5-59
5. Шмитт К. Понятие политического // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280–408.
6. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 552 с.
7. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
8. Пирогов А. И., Бирюков Д. А. Исламский фундаментализм в арабском мире // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 4 (8). С. 127–136.

9. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
10. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.
11. Rowls J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 1996. 525 p.
12. Калхун К. Национализм. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. 288 с.
13. Дюмон Л. Эссе об индивидуализме. Дубна: Изд. центр «Феникс», 1997. 301 с.
14. Taylor C. Sources of the Self. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. 624 p.
15. Evens T. Two Kinds of Rationality: Kibbutz Democracy and Generational Conflict. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. 252 p.
16. Ruthven M. A Fury for God. London: Granta Books, 2002. 324 p.
17. Ницше Ф. В. К генеалогии морали // Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 5. М.: Культурная революция, 2012. С. 229–382.
18. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная, война // PolitBook. 2020. № 3. С. 80–97.
19. Ницше Ф. Антихрист // Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6. М.: Культурная революция, 2009. С. 109–186.
20. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 4: Господство. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 542 с.
21. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М.: Ин-т общественного проектирования, 2009. 456 с.
22. Шмитт К. Государство: Право и политика. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2013. 448 с.
23. Агамбен Дж. Открытое. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
24. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
25. Агамбен Д. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
26. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 70–80.
27. Мальцев К. Г., Ломако Л. Л. Кризис государства-нации как проблема социально-политической философии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 55–64.
28. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430–434.

References

1. Kreveld M. Transformatsiya voyny [War transformation]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2005. 344 p.
2. Kaldor M. Novye i starye voyny: organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu [New and old wars: organized violence in the global era]. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2015. 416 p.
3. Shmitt K. Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma [Spiritual and historical condition of modern parliamentarism]. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. pp. 93–170.
4. Shmitt K. Politicheskaya teologiya [Political theology]. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. pp. 5–59.

5. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 280–408.
6. Agamben Dzh. Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government]. Moscow; St. Petersburg, Institut Gaidara Publ., 2018. 552 p.
7. Khardt M., Negri A. Imperiya [Empire]. Moscow, Praksis Publ., 2004. 440 p.
8. Pirogov A. I., Biryukov D. A. Islamskii fundamentalizm v arabskom mire [Islamic fundamentalism in the Arab world]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and social and humanitarian studies*, 2015, no. 4 (8), pp. 127–136.
9. Lal D. Pokhvala imperii: Globalizatsiya i poryadok [Deepak In Praise of Empires. Globalization and Order]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2010. 364 p.
10. Ankersmit F. R. Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Moscow, GU VShE Publ., 2014. 432 p.
11. Rowls J. Political Liberalism. New York, Columbia University Press, 1996. 525 p.
14. Taylor C. Sources of the Self. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1990. 624 p.
15. Evens T. Two kinds of rationality: kibbutz democracy and generational conflict. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1995. 252 p.
16. Ruthven M. A fury for god. London, Granta Books, 2002. 324 p.
12. Kalkhun K. Natsionalizm [Nationalism]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006. 288 p.
13. Dyumon L. Esse ob individualizme [Essays on individualism: modern ideology in anthropological perspective]. Dubna, Feniks Publ., 1997. 301 p.
17. Nitsshe F. V. K genealogii morali [To the genealogy of morality]. Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2012, vol. 5, pp. 229–382.
18. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Diskurs "antiterroristicheskoi voyny" i spravedlivaya, to est' total'naya, voyna [Discourse of "anti-terrorist war" and just, that is, total, war]. *PolitBook*, 2020, no. 3, pp. 80–97.
19. Nitsshe F. Antikhrisť [Antichrist]. Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2009. Vol. 6, pp. 109–186.
20. Veber M. Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. Vol. 4: Gospodstvo [Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology. Vol. 12: Domination]. Moscow, GU VShE Publ., 2016. 542 p.
21. Arrigi Dzh. Adam Smit v Pekine. Chto poluchil v nasledstvo XXI vek [Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century]. Moscow, Institut obshchestvennogo proektirovaniya Publ., 2009. 456 p.
22. Shmitt K. Gosudarstvo: Pravo i politika [State: Law and Politics]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2013. 448 p.
23. Agamben Dzh. Otkrytoe [The open]. Moscow, RGGU Publ., 2012. 112 p.
24. Hardt M., Negri A. Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epokhu imperii [Set: war and democracy in the era of empire]. Moscow, Cultural revolution Publ., 2006. 559 p.
25. Agamben Dzh. Homo sacer. Chrezvychaynoe polozhenie [Homo sacer. State of emergency]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 148 p.
26. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Neskol'ko zamechaniy po povodu "novizny" diskursa "novoi voyny": "innovatsii" i traditsiya [A few comments on the "novelty" of the "new war" discourse: "innovation" and tradition]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* = *Intellect. Innovation. Investments*, 2020, no. 4, pp. 70–80.
27. Mal'tsev K. G., Lomako L. L. Krizis gosudarstva-natsii kak problema sotsial'no-politicheskoi filosofii [The crisis of the nation-state as a problem of socio-political philosophy].

Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal, 2020, no. 1, pp. 55–64.

28. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Konstruktivistskaya paradigma v issledovanii natsii, natsionalizma, etnonatsional'nogo konflikta: nekotorye kriticheskie zamechaniya [Constructivist paradigm in the study of nation, nationalism, ethno-national conflict: some critical remarks]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2020, no. 8 (147), pp. 430–434.

Информация об авторах / Information about the Authors

Мальцев Константин Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: maltsevaannav@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1398-6625

Konstantin G. Maltsev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: maltsevaannav@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1398-6625

Мальцева Анна Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: pavic69@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7287-313

Anna V. Maltseva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: pavic69@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7287-313

Ломако Леонид Леонидович, старший преподаватель кафедры теории и методологии науки, Белгород, Российская Федерация,
e-mail: parmend@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-9608-615X

Leonid L. Lomako, Senior Lecturer of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: parmend@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-9608-615X